

Группа, состоящая из первого старейшины и нескольких других представителей храма, ждала в королевском дворе, пока они шептались между собой.

Лучшим исходом, на который они надеялись сегодня здесь, было то, что Александр осудил действия своего отца Августа и вернул себе имя феникса, в то же время устроив справедливый суд за преступление отца, убившего священника, и вынес ему приговор, если он будет признан виновным.

Однако это явно было надуманным желанием, поскольку семья Драко была единым целым. Александр так уважал своего отца, что скорее убьет себя, чем позволит кому-либо тронуть своих родителей. Следовательно, вероятность того, что он осудит действия своего отца, была близка к нулю.

Наихудший сценарий, который мог произойти, заключался в том, что Александр откажется прислушиваться к разуму, и все переговоры сорвутся, так как над всеми будет нависать только война.

В храме знали, что в этом деле где-то виноват Ройгар и что широкая публика тоже видела это рассуждение. То, что он просил убить второго принца, небесно талантливый, только потому, что однажды он может пробудить запретную силу, было недостаточной причиной, чтобы требовать его жизни. Следовательно, реакция Августа на его убийство, хотя и крайняя, на самом деле была рациональной.

Однако, если храм примет этот вопрос, это испортит его имидж как того, кто запугивает массы, чтобы совершить эгоистичную вендетту. Хотя первый старейшина презирал Ройгара за его действия, он также не хотел, чтобы это запятнало честный храм. Поэтому на сегодняшних переговорах хотелось найти компромисс, который позволил бы избежать кровопролития.

Все замолчали, как только Лейф и Александр вошли в комнату, а остальные встали со своих мест и поклонились королю.

Следом за ними шла королева Сьерра с молодым Ронаном на руках, когда она смотрела на всех в комнате по пути к месту рядом с Александром.

Маленький Ронан тоже с любопытством смотрел на мужчин, собравшихся его взглядом. Но, будучи застенчивым маленьким ребенком, он отводил взгляд всякий раз, когда кто-то смотрел ему в глаза, прячась за маминой драпировкой.

В тот момент, когда королева села, все снова заняли свои места, так как суд официально заседал. У Александра уже были слегка красные глаза, когда он смотрел через комнату, вызывая дрожь по спине членов темпе, когда они понимали, что король сегодня не в настроении «слушать».

Александр сказал спокойным, но властным голосом: «Чего хочет храм?»

Первый старейшина немного сглотнул слюну, почувствовав давление, излучаемое Александром. Король был сильнейшим воином в стране, и жрец из храма не мог противостоять его намерению убить.

Он нервно сказал: «Мой король, твой отец перешел черту...».

Кинжал прошел мимо первого старейшины, задел его щеку и ударился о стену позади него. Это было сделано тенью, кем-то, кто присутствовал здесь, в комнате, но не был виден обычным чувствам. Один из верных подданных Александра, хорошо знавший своего царя.

Первый старейшина задохнулся, когда Александр сказал низким голосом: «Осторожно подбирай следующие слова, старейшина».

Первый старейшина не мог поверить в то, что Александр угрожал ему вот так в царском дворе на глазах у стольких людей, но он абсолютно ничего не мог с этим поделать, так как бессознательно был потрясен до костей. Одно неверное слово из его уст, и он больше никогда не сможет говорить!

БЕЗУМЦЫ! СЕМЬЯ БЕЗУМНЫХ! — подумал первый старейшина, дрожа произнеся.

«Мой король, я знаю, что Ройгар ошибся, когда сказал, что второй принц может стать угрозой для нации, принц родился в королевской семье и обладает талантом, который мир редко видел. Тем не менее, убийство верховного жреца храм над этим кажется.... (в нервном сглатывании) крайним мне...". — сказал первый старейшина, его руки теперь дрожали.

Александр бросил скучающий взгляд на первого старейшину и жестом попросил Лейфа заговорить, который сказал: «Как вы сказали, старейшина, верховный жрец Ройгар перешел черту, согласно законам королевства, любое посягательство на жизнь вербально/невербально королевской семьи обвиняется в измене и мгновенной смерти по закону, установленному королем нации огня, следовательно, вождь Август был прав в своих действиях, чтобы свершить правосудие!».

У первого старейшины язык заплетался после того, как он выслушал этот аргумент. Книга законов была написана Александром, когда была основана нация, и она была благословлена самим храмом. Поскольку одна из оригинальных копий была с главой храма, если то, что сказал Лейф, было правдой, то у Церкви не было моральных оснований привлечь к ответственности действия Августа.

Однако теперь бал был на дворе храма, и если они будут продолжать настаивать на этом и привлечь Августа к ответственности, это будет означать, что храм нарушил правила в соответствии с их собственным удобством и что закон и порядок ничего для них не значат. В то время как признание этого факта было сродни признанию того, что королевская семья была права, не оставляя храму места для создания конфликта.

Это был мастерский ход Лейфа, который добавил к закону вербальную/невербальную часть, хотя первый старейшина не знал об этом, если храм заявит, что закон никогда этого не говорил. Он изображал их лжецами и вызывал сочувствие масс. А если бы церковь пошла на это, они бы уже потеряли инициативу затевать драку.

Это была свободная ситуация для храма.

<http://tl.rulate.ru/book/73983/2049747>